

Поэзия

Михаил ПОПОВ *Попов Михаил Михайлович.* Родился в Харькове в 1957 г. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор многих книг прозы – романы, сборники повестей и рассказов, а также сборников стихов. Лауреат престижных литературных премий. Произведения переводились на китайский, французский, английский, немецкий, арабский, латышский языки. Неоднократно экранизировались. Заместитель главного редактора журнала «Москва», секретарь Союза писателей России, доцент Литературного института им. А.М. Горького. Живёт в Москве.

Я ОСТАЮСЬ

* * *

Возвратиться несложно.
Покупаешь билет...
Сердце бьется истошно,
Сколько минуло лет!
Постоишь на вокзале,
Поезд плюнет гудком,
Как тебе предсказали:
Ты ни с кем не знаком.
Кто вселился в твой город?
Кто по паркам бредет?
Там, где был ты распорот
Не толпится народ.
Хоть какой-нибудь признак,
Что ты жил здесь, мелькни!
Не является призрак,
Разбрелись и они.
По широкой отчизне,
Вплоть и до Антарктид
Ты тихонечко свисти,
И к тебе прилетит
Вдруг ответною трелью
Ваш далекий мотив.
С неизвестною целью
Боль в предсердье родив.

* * *

Ты все собрал, а как же увезешь
Рассветы над Москвой-рекой.
Ведь ливень
Тяжелых слез, что прям сейчас
ты пьешь,
Не доказательство, что будешь
ты счастливей
На берегах других известных рек.
Ты уезжаешь, потому что надо,

Как заявил известный имярек,
Раз на Руси грохочет канонада
Не твое дело становиться в строй,
Отстаивать величие державы.
Другой пусть занимается игрой
И разбирает автомат свой ржавый.
За русскую нет чести биться честь,
Нет, лучше где-нибудь
в предместье под Парижем,
Ты трусить будешь, потихоньку
есть,
Мы о тебе почти что не услышим.
Ты переждешь военную метель,
Живой и целый только вот
вернуться
Не выйдет, дорогой ты мой
«отгель»,
Убитые от гнева содрогнутся.

* * *

Я остаюсь. Я стою неподвижно
В поле осеннем. Сухая трава,
Тут и лопух, и репейник, и пижма,
Трудно глотать мне слова.

Вы за историей? Скатерть дорогой!
Я остаюсь. Достою до дождя.
Может ответу кому-то эклогой,
Тем, кто бесчинствует уходя.
Дни нашей жизни. Минуты
прозранья,
Дома я дома, и больше нигде.
Как же небрежно потрачено время,
И почему-то все время не те
В душу влезают. Тревожат и мучат.
Только привыкну, исчезли как дым,

Лечит нас время и изредка случай.
Да, я не буду уже молодым.

* * *

Ну что ты скажешь в оправданье
того что ты нигде, никто,
Свежо, как водится, преданье,
Никто, но вместе с тем, зато
Я честен был. Я это знаю.
Не кланялся. Ну, исполать,
Ждала меня судьба иная,
Ты направляешь время вспять.
Перед тобою сто развилок,
Две сотни, стало быть, путей,
Но жизни жалобный обмылок
Сейчас и здесь. И не потей
Над многотрудною задачей,
Ты сменишь кожу, пол и рост,
С судьбою, этой жалкой клячей,
Не сладишь, шустрый вертихвост.
Не тонет то, кому расстрельный
Назначен выход из игры,
И не хватай свой крест нательный,
Ты не утонешь (до поры).

* * *

Ночная бодрая капель
Снесла снега с покатою крыши,
Веселая мадмуазель
Мечтает о своем мальчише.

И переполнена река
Бугристой и тяжелой влагой,
И колокольная строка
Тревожит мрак своей атаккой.

Да будет свет, скажи рассвет
В сыром селе под небом бледным
Слегка меняющим свой цвет
Под рокот колокольной медной.

Грязна, расхристана земля
Мой дом в предутреннем испуге,
Как будто бы рассвета для
Дымит с утра по всей округе.

Кто утром палит свой камин,
Кто спать сегодня не ложился
В собранье разномастных вин
Я сна блаженного лишился.

Что будет дальше, все же спать,
Залягу как медведь последний,
Или как первый погулять
Пойду, как я бродил намедни.

* * *

Осталось нас немного, дело ясно,
Сдадим редут и разбежимся спать,
И истина как старенькая язва
В холодном теле прекратит
мерцать.

Мы пробовали, мы стояли
на смерть,
Но многих смерть женила на себе,
Мы не сдавались, козлоногий нас
ведь
Не смог заставить тихо просипеть
Такое что отвратно и тлетворно,
мы не сдаемся, хоть редует строй,
пусть нам кричат и Кроче,
и Адорно,
наводят мощно пасмурную бровь:
стихов не может быть, дружок,
Освенцим
все доказал, обречены молчать,
дозволено лишь бормотанье венца,
на прочем всем – кровавая печать.

* * *

Осталась последняя складка
В больной, хоть и вечной душе,
Сказать на прощание сладко:
Я с миром не связан уже.

Я чист, хоть убог и увечен,
И к встрече последней готов,
И в вечности точно прочерчен
маршрут моих поздних плотов.

Я чувствовал, что мне обещан
Последний в ночи разговор,
Но не про бесчисленных женщин
Но не про войны и спорт,
И не про деньги. Открытку
Пришлет на прощанье Господь,
Предчувствую муку и пытку,
Которых не перемолоть.
И пуце того: правду скажет,
Он медленно выдохнет мне,
И тихо в руке моей гаджет
Растает. Я кану вовне.

* * *

Теряю всякий интерес
К спортивным играм.
Футбол, на нем поставил крест,
Реальным тиграм
Повсюду в мире даден ход,
А не подделкам,
Идет война не первый год,
Кто хочет, вэлкам.

Когда-то войны заменял
Футбол всемирный,
И Марадона всех страдал,
Толстяк настырный.
Теперь пускают пошлый танк,
Гранат с десятков,
Крушат врага, молят так,
Что весь остаток
Врага лежит в земле навек,
Ему не больно,
И не болеет человек,
Тоской футбольной.

* * *

Что ни шаг, то и огрех, ей Богу,
Но стоять недвижно нету сил.
Посмотри, а это вид мой сбоку,
И уходят все, с кем я тусил.

Первые, их сбила электричка,
Когда шли в поселок за вином,
Кто-то заболел, сгорел как спичка,
Кокаиновым забылся сном.

Кто-то в петлю слазил неудачно,
Или же удачно, как сказать.
Кто-то умер в холоде чердачном,
Бомжевал, а как его спасать?

Постепенно подвалили сроки,
У кого инфаркт или нефрит,
Да рука выводит эти строки,
А душа тоскует и горит.

Начинали мы почти что взводом,
Каждый был веселый как солдат.
Изошли стихом, кровавым потом.
А потери? Это Сталинград!

* * *

Плечо заныло, по погоде.
Идет гроза, идет грозя,
Но ничего не происходит,
Жизнь просто уместилась вся
В дождливый вечер. Гром небесный
И молний струи на стекле
Финал мне предрекают пресный,
Не заслужил я на земле,
Какой-то необычной доли,
Не воевал, и не болел,
Как старый тополь в чистом поле
В свой срок тихонько околел.
Пусть что-то теплится в подкорке,
Надежда на какой-то финт.
Что я вдруг словно юный Горький
Пойду на Русь как неофит.

ОБСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Что вам сказать ребята родные
мои хуситы,
Вас ни за что не сломят
саксонские паразиты,
Пусть они возьят бомбы и по ночам
пуляют,
Только ведь взрывы эти шрамов
не оставляют.
Бесится дедушка Байден, ерзает
дядя Сунак,
Йеменский воин ощупывает
подсумок,
У него патронов довольно
из калашного ряда,
Не ест он свинины, вера гласит:
так надо!
Страшная ерунда, контейнеровоз
в заливе
Тонет, как будто судьба его могла
быть счастливей.
Взлетают ценники по всей Европе
как птицы,
Байден шамкает тупо –
так не годится.
Нас не возьмут за горло,
хотя и берут то и дело,
На афганский финиш вся планета
глядела.
Братья хуситы, вы новых веков
гуситы,
Что наносили убийственные
визиты
По городам европейским,
почти заходили к папе,
Дорогие хуситы в том же сейчас
масштабе
Сотрясаете мир, себя покрывая
славой,
Рядом с вами и Америка кажется
слабой.

* * *

Мы встретились. Прошло
немало лет,
Они по-разному нас наградили,
Я думал, что обрадуюсь, но нет,
Ты не состарилась, а я гляжу
как дед,
Не просто дед, которого побиили.
Ты не откроешь мне сейчас секрет:
Диета, йога, прелесть игр
любовных,
Благоухаешь словно первоцвет,
И я в тоске взираю на предмет

Своей любви, да помнится ты
в овнах

В.П. Смирнову

Была в мир рождена, а я так лев
Но жизнь нам козни нагадала,
И вот я, растолстев и побелев,
Судьбы своей неаппетитный хлев
Стою манифестирую устало.

Нам не сойтись, мы запад
и восток,
Разведены теперь навеки,
Не проложить меж нами и мосток,
Ни чувств неосязаемый поток...
Горячие мне слезы щиплют веки.

Кто-то снег швыряет нам
горстями,
то метель стоит, то солнце,
кто-то сеет снег над нами
я в покатоое оконце
наблюдаю тихо за природой,
то богач, то просто нищий.
Сколько буря полдень не уродуй,
Солнце нас всегда отыщет.
Вот и все, что я заметил нынче,
Дальше углубляться право хватит,
Пусть над вечным думает
да Винчи,
Ведь ему за это больше платят.

Зима бывает очень длинной,
В апреле все еще зима,
Загадочной, почти былинной,
Или расхристанной весьма.

Зима бывает беспросветной,
Дым в небеса и нету звезд,
Бесснежной, пасмурной и бедной,
Дрожащей как собачий хвост.

Зима бывает даже жаркой,
Коньки и лыжи, санный спорт,
Подсвеченной вином и старкой,
И яблоком, возьмем апорт.

Зима бывает очень сонной,
Больное горло, теплый плед,
Прекрасной, словно Анна, донной,
И шумной, как морозный дед.

Серьезной, ласковой, беспечной,
Собраньем новогодних дней,
Не только длинной, бесконечной,
Как этот разговор о ней!

Среди густой словесной дряни,
Что нес нам лекторский состав,
Он не кричал нам: гей, славяне!
Проникновенно прочитав
Историю начала века,
Разнообразной ребятне,
и яд серебряного века
в нас тихо проникал: в вине,
в стихах, в улыбке, и во фразе,
что вдруг сносила крышу нам.
Его мы уважали в массе,
Он обращался к нашим снам,
В его мы превратились фанов,
Дружить мечтали, водку пить.
Над этим надо всем – Иванов,
И Адамович, может быть.

Все что по жизни заслужил –
Жилье на Ленинском проспекте,
Он жил, не напрягая жил,
Принадлежал к почтенной секте
Ценящих русский наш язык,
И русскую литературу.
Тверской, по-моему, мужик,
Для нас студентов был он гуру.
То, что назвать бы златоуст,
Был и нарциссом он порою,
Хотя нарцисс-то в общем пуст,
ВП расплачивался кровью
За каждый яркий каламбур,
Являлся тонким камертоном
В годину социальных бурь,
И в дни, когда наш мир был
сонным.

На каждой лекции гремел,
И веселил во время пьянки,
Я от него уразумел
Своё «Прощание славянки».

Ужасной показала «Ольга»,
Ну что тут скажешь, да, циклон,
Мы отдохнули, ну, вот столько,
И тут приходит ее клон.
Свистит метелью, прет пургою,
И до огады не дойти,
с природой бешеной такою,
ни отдыха нет ни покою,
Взываю, Господи прости!

Мы люди, мы всего лишь люди,
ну провели, допустим, газ,

Сидим в ночи в своем закуте,
А мир не замечает нас.
Рванет вулкан, пахнет цунами,
И нет страны, народа нет,
Ты голышом в одной панаме,
С стихами о прекрасной даме,
Стоишь, глядишь на белый свет.

Да, ты взорлил, создал компьютер,
и в бой с природою вступил,
ниспровергатель, словно Лютер,
хотя по мне бы – лучше пил.
Ну, где твои, блин, нейросети,
И где твой сайт, и где твой чат,
Опять зима на белом свете,
Автобусы с мечтой о лете
Из снега страшного рычат.

Могу я сделать что-нибудь,
Чтобы она не приближалась,
Чтоб не терзала мою грудь,
Бессмысленно давить на жалость.
Мир не учитывает нас.
Гремит гроза. С какою целью?
Какой и чей звучит приказ
Чтобы река с своей постелью
Рассталась и рванулась вширь,
Мосты сшибая и усадьбы,
Оставив грязный нам пустырь,
Как стол после мятежной свадьбы.
Мы поселились кое-как,
На спящем мы сидим медведе,
А он ворочаться мастак,
А мы свое, про буки, веди...
Не понимая, что зима,
Гроза и буря. Нам живется,
Пока не шевелится тьма,
Пока медведь наш не проснется.